

...И вот наконец наступили новые времена, которые принято называть эпохой постмодерна. То есть — после современности. Это, согласитесь, звучит немного абсурдно. Время, стало быть, текло неторопливо от доисторических эпох к античности, средневековью и Возрождению, потом к Просвещению, Новому времени и, наконец, к современности... А потом все резко закончилось, произошел как бы конец света и начался постмодерн — нервный, непонятный, сумбурный и никем еще до конца не осмысленный. От старого мира, который разбился вдребезги, остались только осколки и воспоминания, у кого светлые, а у кого — не очень, а еще — братские могилы на полях былых сражений, лагерная пыль и тени погибших от радиации в Хиросиме, Семипалатинске, Бикини и Чернобыле... Однако мы с вами живем именно сейчас, в этом непонятном времени. Работаем. Читаем. Пишем. Ибо писатели и поэты, если уж родились на свет с даром слова, не писать не могут. А поскольку литература по определению является второй реальностью, которая дополняет и отражает первую (зеркало жизни, как говорили в девятнадцатом веке), новые писатели изображают мир таким, каким он стал: расколотым на части, лишенным пафоса, глубоко трагичным, но при этом еще и уморительно смешным, а также не имеющим четких границ между реальным и нереальным. Ну, конечно, писатели, как наиболее тонкие и остро-восприимчивые представители человечества, первыми ощутили и заметили смену парадигмы: в вековом споре материалистов и идеалистов («физиков и лириков») победила дружба.

Физики в конце концов поняли и доказали, что мир материален и нематериален одновременно, он и материя, и волна — смотря с какой точки зрения на него посмотреть. А лирики это знали изначально.

Отсюда — такой расцвет и такая популярность в наше время жанра мистического реализма. В нем успешно работают такие наши авторы, как Елена Супранова из Владивостока, москвичка Ольга Махно, Марина Ясинская из Канады, Валентин Бердичевский из Омска и хабаровчанин Виталий Максименко. По образованию он, кстати, физик, а вот по природе своей и по творчеству — типичный лирик. Оттого так интересна и неоднозначна его проза.

Роман Романов, талантливый представитель нового поколения писателей, живет в Хабаровске. На примерах его рассказов и повестей, как отмечают критики, можно учить студентов современно-мулитературоведению. Он — мастер интертекстуального стиля, эстет, тонкий психолог. Известный писатель Евгений Попов так охарактеризовал творчество молодого прозаика: «Краткая проза его чрезвычайно насыщена точными словами, мыслями и наблюдениями. В этой прозе влияние таких полярно разных величин, как, например, Владимир Набоков и Владимир Сорокин, компенсируется собственным видением автора и его самостоятельным талантом». Для публикации в спецвыпуске Роман сам отобрал рассказ «Кирилл» — он его считает своей творческой удачей. Мы с ним согласны. Рассказ любопытен своим зеркальным построением: два брата-близнеца, внешне похожие, как две капли воды, но внутреннему складу абсолютно различны. Один «мысль», другой «действие». Они дополняют и перетекают друг в друга. И самолетики, сложенные маленьким Кириллом из важного папиного отчета, и украденная им в детском саду красивая «Библия для детей» превращаются в финале в самолетики, которые взрослый Роман сложит из растребушенной Библии и пустит летать

по американской тюремной камере... А может быть, это сделал Кирилл. Кто из них кто, теперь уже не разберутся сами братья.

Другой талантливый автор Владимир Нечаев живет на Камчатке. Пишет короткие рассказы, похожие на притчи, — с глубоким подтекстом. Вполне в духе постмодернизма, где не принято заламывать руки и голосить во все горло, если в жизни происходит что-то плохое («игра в прятки с горем» — таков основной принцип современной литературы). Его воспоминания о детстве, которые мы публикуем в этом спецвыпуске, — как раз и есть те самые осколки разбитого вдребезги прошлого мира. Но, кажется нам, они ярче, выпуклей, красноречивей и, не побоимся этого слова, прекрасней мира, ушедшего безвозвратно. Он-то был, видит бог, не очень хорош.

Однако наш, похоже, еще хуже. В нем нет стабильности, привычной советской благоглупости, какой-никакой справедливости и много чего еще, о чем тоскуют люди старших поколений. Только неотступная тревога — что там ждет впереди, только голый прагматизм, только суровый закон джунглей — выживает сильнейший...

Писательница Татьяна Троценко в рассказе «Семерка» показала это лучше других.

Человеку кажется, что жизнь его наладилась и идет по плану? Что все у него хорошо, а дальше будет еще лучше? Ничего подобного. Все может измениться в одну секунду из-за какой-нибудь ерунды — по прихоти самодура-начальника, например. И он окажется, как герои Аллы Павловой и Владимира Илюшина, на обочине жизни — без денег, без работы и без перспектив в будущем.

Однако персонажи Троценко в критической ситуации не теряют оптимизма, чувства юмора и какой-то изначальной, заложенной в человеческой природе доброты.

Это, кстати, характерная черта творчества многих авторов журнала — Ирины Левитес, Анны Сафоновой, Валентина Бердичевского, Елены Родченковой, Алексея Лукина и других. Темы у всех писателей разные, герои тоже разные — и деревенские жители, и городские, и молодые люди, и старые, а главная идея одна, жизнеутверждающая: как бы ни было тяжело, будем жить. И сами пробьемся, и другим поможем. За этот позитив нас, наверное, и любят читатели.

Обратите внимание на эссе Виктора Ивановича Ремизовского «Воспоминания моей мамы». Он до недавнего времени работал редактором отдела очерка и публицистики в нашем журнале. Умер в возрасте восьмидесяти двух лет, но все равно преждевременно. Утрата эта невосполнима — вечная ему память. Он пишет о судьбе своей матери — страшной и тяжелой. Там и война, и голод, и сталинские лагеря, и личные трагедии... В его тексте много печали и горечи, но еще больше — бесконечной любви к дорогому человеку, и — ни единой строчки злобы и ненависти. А ведь власть, исковеркавшая жизнь матери, заслуживала именно таких негативных чувств. «Суки!» — это самый сильный эпитет, которым наградила мама советских чиновников в финале. В общем контексте он воспринимается закономерно, но звучит скорее юмористически. Принцип «игры в прятки с горем» в эссе Ремизовского соблюден классически.

И, конечно, журнал трудно представить без поэзии. Для спецвыпуска мы составили небольшую антологию дальневосточных поэтов — начиная с Петра Комарова и заканчивая современными авторами. По одному стихотворению от каждого. Вместе они сложились в яркую мозаику, в которой тоже отразился непрерывный поток времени.

А для полноценного поэтического портрета мы выбрали творчество Александра Дракохруста, который сам по себе был целой эпохой — его биография вместила в себя и мир, и войну, и горе, и радости, и успех, и неудачи. Он долгое время работал корреспондентом в окружной газете «Суворовский натиск» и писал стихи. О нем говорили: «В журналистике вы — поэт, а в поэзии — тонкий

философ». Масштаб личности этого человека был огромен, а мощный талант не вмещался ни в какие рамки. Его еще предстоит оценить потомкам.

...Когда «Дальний Восток» отмечал семидесятилетие, Вячеслав Сукачёв, бывший тогда главным редактором и сделавший для журнала много чего хорошего, написал в программной статье: «Если сегодня хотя бы мельком взглянуть на все журнальные книжки за семьдесят лет, мы словно на экране сможем проследить жизнь и развитие огромного региона, раскинувшегося между священным озером Байкал и Тихим океаном. Это грандиозное пространство в свое время великий норвежский путешественник Ф. Нансен назвал «страной будущего», таковым оно и остается по сей день».

Верно сказано.

Будущее России, безусловно, зреет на далеких окраинах, в том числе и на Дальнем Востоке.

Но нам понравилось сравнение журнала с кинолентой длиной в семьдесят лет. Теперь уже — даже не верится! — восемьдесят пять.

Хотим процитировать по этому поводу известные строки поэта Юрия Левитанского:

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Кем написан был сценарий? Что за странный фантазер
этот равно гениальный и безумный режиссер?
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!
Он актеру не прощает плохо сыгранную роль —
будь то комик или трагик, будь то шут или король.

Юрий Давидович, конечно, о себе это написал. Но ведь и журнал — живой организм. Более того, разумное, иногда даже самоорганизующееся существо. И, как у человека, у него тоже есть своя судьба — порой счастливая, порой — нет, иногда странная и непредсказуемая, иногда — спокойная, рассчитанная на годы вперед. За восемьдесят пять лет с ним случилось всякое.

Галина Якунина, наш постоянный автор и член редколлегии журнала, в статье об истории «ДВ» и состоянии современной литературы в нашем регионе задает вопрос: а что напишут о «Дальнем Востоке», когда ему исполнится сто лет?

Трудно сказать.

Ведь «придут иные времена, взойдут иные имена»...

Но одно мы знаем твердо: корабль наш, миновавший столько мелей, рифов и скал, не собьется с курса, не затонет в пути, кинолента не остановится ни при каких обстоятельствах, какой бы сумасшедший механик ее ни крутил, а плохо сыгранных ролей — в смысле бездарно написанных текстов — наш режиссер не простит никому: ни королю, ни шуту, ни трагику, ни комику. Он их просто не пропустит.

И связь времен останется непрерывной.